

*«История Темби
не только о потере
и скорби, это также
торжество любви,
итальянской еды,
заботы и семьи».*
— NEW YORK POST

*Для Сафо, того, кто зажег огонь любви.
Для нашей дочери, Зоэлы, всегда
горящего пламени*

И не думай, что ты можешь править путями любви,
ибо если любовь сочтет тебя достойным, она будет
направлять твой путь.

ХАЛИЛЬ ДЖЕБРАН

«Эти прекрасные мемуары переносят нас в личное путешествие Темби, посвященное любви, родительским обязанностям и в конечном итоге потере ее мужа Саро. Она учится исцелению самым прекрасным способом — с помощью поддержки трех поколений женщин — и да, там есть итальянская еда. Много-много итальянской еды!»

Riz Уизерсун

«Потрясающе... Авторская работа в книге — великолепна. Лок дает своим читателям возможность насладиться погружением в чувственную событийность Сицилии. Она предлагает заглянуть в ее глубокие и благотворные отношения с дочерью, супругом и ее семьей. Когда она сравнивает приготовление сыра с горем, описывая, как и то и другое нуждается во «времени, труде и внимании», она предлагает новый взгляд на древнюю эмоцию. Даже ее описание классического смога над Лос-Анджелесом — свежее и яркое».

Associated Press

«Хотя история Темби — это история скорби и потери, это также праздник любви, еды, заботы и семьи».

New York Post

«Эти мемуары вновь подтвердят вашу веру в сильную, способную все выдержать любовь».

Refinery29

«История любви, трагедия и семейная сказка слились воедино в одной восхитительной книге...»

Real Simple

«Лок трогательно описывает процесс скорби и поиска утешения в течение трех лет в Италии после смерти своего мужа... В заключение она предлагает более дюжины сицилийских рецептов, которыми наполнены ее воспоминания о Саро. Обнаженные и идущие от самого сердца мемуары поднимут настроение читателям, страдающим от потери своих собственных любимых».

Publishers Weekly

«Завораживающе... Читателям не захочется откладывать в сторону мемуары Лок, настолько убедительно она описывает свой уникальный опыт и всеобщие взлеты и падения человеческой жизни».

Booklist

«В своем писательском дебюте актриса и спикер TED Лок предлагает теплые воспоминания о романтике, мучительной потере и исцелении... Очаровывающая история о любви, потерянной и вновь найденной».

Kirkus Reviews

«История Темби Лок отличается от всех, что вы слышали прежде... Стойкость и упорство Лок перед лицом такой потери невероятно трогательны, как и ее искреннее любопытство к месту, которое поначалу было не очень приветливо к ней... Откровенная, мудрая и со склонностью к красноречивым метафорам, она — прекрасный и сильный писатель... Трогательные и яркие мемуары Темби Лок — это эпический межкультурный роман, трагедия, история самопознания и, что самое лучшее, подтверждение простых исцеляющих сил хорошей еды».

Shelf Awareness

«Абсолютно блестящая история любви. Темби Лок написала глубоко личную историю, переполненную надеждой и вдохновением. Здесь есть и величественная красота умения найти себя в большой потере, и возможность трансформации для тех, кто позволил жизни по-настоящему их раскрыть. В этих незабываемых мемуарах Темби показывает нам, каким мощным — и в итоге возвышающим — может быть это путешествие. Переверачивая эти страницы, вы изменитесь навсегда».

Клэр Бидуэлл Смит, автор книги «Тревога: недостающая стадия горя»

«Как растет твоя любовь к супругу, когда ты только что вышла замуж, стала женой, сиделкой, а потом — молодой вдовой? Как сохранить ту любовь, которая стоила ожидания, проведенного под дождем? Чтобы сделать это, Темби взбирается на вулкан, готовит, объединяется с семьей своего мужа, живущей в маленьком городке Италии. «Вкус к жизни» — это разбивающие сердце, но обнадеживающие мемуары о прощении. И Лок — сильная, жизнерадостная женщина, заслуженная актриса, которая, как оказалось, еще и поэтесса».

Хелен Эллис, автор бестселлеров «Американская домохозяйка»

«Восхитительные мемуары о рисках, обретении любви и постройке дома вдали от дома. В «Вкус к жизни» Темби Лок трогательно описывает потерю, скорбь и исцеляющее чудо еды».

Лайла Лалами, автор книги «История мавров»

Содержание

Пролог 10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 17

Прежде

Первые вкусы 19

Послевкусия 59

Вилла. Метла 89

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 113

Первое лето

Остров камня 115

Нечто замечательное 140

Хлеб и рассол 155

Пирожное Скьявелли 170

Вулканический песок 189

Горький миндаль 202

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ 213

Второе лето

Реликвии 215

За столом 225

Рикотта 240

Священник 256

Гера и сапфировое море 268

Terra vostra 285

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 295

Третье лето

Дикий фенхель 297

Шествие 308

Соус 319

Мудрецы и святые 333

Рецепты 347

Примечание автора 380

Благодарности 381

ПРОЛОГ

На Сицилии любая история начинается с чьей-либо свадьбы или смерти. В моем случае — со всего вместе. И так получилось, что я оказалась за рулем ржавенького «Фиата» на продуваемой ветрами сельской дороге у окраины Алиминузы, маленького сицилийского поселка, с прахом своего мужа в миниатюрной деревянной шкатулке, зажатой между колен. Я почти добралась до оливковой рощи у подножия гор Мадоние, что на северном побережье острова; это были склоны земель семьи Саро, усеянные пятнышками старых абрикосовых и персиковых деревьев.

Когда-то вдоль этой дороги он срывал спелые ягоды с тутовых деревьев, скручивал упругие лозы с тяжелыми гроздьями винограда винных сортов, руками раскапывал почву, чтобы показать мне воочию, как растут клубни дикого фенхеля. Я наблюдала, как он бережно разворачивал наружные слои кожицы клубня. Потом он заставил меня закрыть глаза, поднес мне прямо под нос самую сердцевину, вынуждая вдохнуть землистый лакричный аромат, пробуждающий к восприятию тайн и загадок этих

мест. Он настойчиво и целеустремленно показывал мне силу и нежность этого мира природы — тех мест, где он родился. Прошлым летом мы стояли, обозревая склоны, на которых он играл, будучи ребенком.

«Делай что хочешь, но привези хотя бы немного моего праха на Сицилию», — сказал Саро, когда мы стояли на этом самом месте, где я сейчас. Его рак недавно вернулся, но смерть по-прежнему воспринималась абстрактно. Я думала, у нас есть еще несколько лет впереди, может быть пять. И все же он готовился — и готовил к этому меня. Это место было тем самым, в котором он хотел оставить хотя бы часть себя навсегда, — и вот я здесь, преодолела почти семь тысяч миль от нашего дома в Лос-Анджелесе, чтобы исполнить обещание, данное ему тогда.

Звуки августовских сверчков и цикад, ящерицы, снующие в поисках убежища, в котором можно укрыться от полуденного сицилийского солнца, — все это окружило меня. Воздух был тягучим от удушающих ароматов эвкалипта, нагретой древесины и созревающих помидоров. В отдалении раздался звон колокола городской церкви, созывающий людей на обедню. На какое-то мгновение я представила свою семилетнюю дочку, бегущую босиком по вымощенной камнем улице. Вот еще одна причина, по которой я отправилась в добровольную ссылку на сицилийское побережье, — это был единственный способ сохранить ее папу живым в ее памяти.

Я запарковала машину на вершине крутого холма, поставила на нейтральную передачу и дважды проверила ручник. Затем нащупала между ногами коробку, содержащую останки моего мужа, всю липкую от пота. Маленькая деревянная шкатулочка для колец, в которой когда-то он держал медиаторы для своей гитары, теперь являлась вместилищем частички его самого, которую я сохранила для себя. Коробочка оставила узор из вертикальных линий на том самом месте моего тела, которое он любил больше всего. Время пришло. И все же я не могла заставить себя выбраться из автомобиля.

Саро, будучи шеф-поваром, всегда говорил, что женится на американке или афроамериканке, обладающей кулинарной душой Италии. В его представлении я была итальянкой так, как людям и следует быть итальянцами, — за столом. Для него это значило любовь к свежей еде, почитание памяти и традиций, когда передаешь хлеб и пьешь местное вино. Это была жизнь, в которую я попала случайно, когда мы буквально врезались друг в друга под навесом лучшего во всей Италии магазина с мороженым. Судьба, удача.

Один взгляд — и я поняла, что его глубокие карие глаза таят в своей бездонности немыслимое количество историй и соблазняют меня поведать свои. Его профиль словно был срисован с одной из древних римских монет, а внешность — оливковая кожа, упрямый, волевой подбородок и копна волнистых угольно-черных волос — заколдовала меня картиной, изображавшей меня в его объятиях, вспыхнувшей в моем воображении, словно молния. Я сказала на своем лучшем школьном итальянском «*Miscusi*»*, а он ответил, ни секунды не колеблясь, «*Hello*». И в тот же миг все завертелось...

Теперь я понимала, что Саро, появившись в моей жизни, почти постоянно творил и создавал новые формы там, где прежде было лишь пустое пространство. Он умиротворял битвы в душе, неведомые даже мне самой, казалось, был всегда готов приласкать самые неупорядоченные, безответственные, несовершенные и противоречивые частицы меня. Вместе мы поглощали эту жизнь, словно с двух рук ели из одной тарелки. Готовые слушать, любить, смотреть в темноту и все равно видеть в ней тоненький серп луны.

Наконец я приоткрыла дверь автомобиля, и прохладный воздух хлынул внутрь, принеся с собой еще больше воспоминаний. Я думала о Саро и о земном удовольствии, которым мы наслаждались вместе в самом конце:

* Извините (*итал.*). (*Здесь и далее прим. пер.*)

о мороженом-льдинке в виде ракеты. Специфичность этого воспоминания поразила меня. Перенесла прямо в наш последний день. Когда пространство нашей жизни и все, что было в ней, уменьшилось до обусловленных смертью крошечных интимных жестов, например как я кормила своего умирающего мужа фруктовым льдом. Как я прикладывала льдинку к его губам, беспокоя каждый час медсестру просьбами достать новую упаковку с верхней полки морозильной камеры на случай, если мой муж очнется и сможет попробовать ее. Деликатная неизменная ласка, которую я хотела ему обеспечить, мои заключительные действия в роли той, которая любит и заботится. Мне хотелось, чтобы его последнее впечатление от больничной палаты было мягким, успокаивающим, даже в чем-то приятным. Он это заслужил. Все те годы, что он стоял позади меня на кухне, он учил меня, что детали — это главное. Ощущения от первого вкусового впечатления доступны только единожды. И если требовался фруктовый лед, то я решила, что это будет самый вдохновляющий фруктовый лед на свете: свежесжатый лимонад с агавой. В те дни время мчалось и едва ползло одновременно. И хотя я делала все, что было в моих силах, чтобы подготовить нашу дочь, Зоэлу, которой только исполнилось семь, к жизни без папы — держала ее поближе, вовлекая в событие, которое навсегда изменит ее жизнь, — я все же переживала, что сделала недостаточно.

В последний день я закрыла раздвижные двери в нашу палату и присела рядом с ним на край больничной койки. Я водила тающим лакомством по его губам. Целая вечность с поцелуями этих губ принадлежала мне. Потом я поцеловала его в лоб и, когда выпрямилась, увидела, что кусочек растаявшего мороженого попал ему на язык. Он не отрывал от меня взгляда. Я тоже лизнула замороженный сок. Он улыбнулся. Мы делили приятный момент, как делали это в самом начале, когда он шептал мне на ухо после занятий любовью: «У меня неутолимая жажда твоей любви, любви к твоему телу и душе». И затем его не стало.

Его смерть стала еще одним событием, перевернувшим мою жизнь. Вся сила, которую я получила от него как

женщина, мать и любимая, увяла мгновенно и полностью. Это словно быть выброшенной на острые скалы во время отлива брюхом кверху в полдень самого жаркого и солнечного, самого длинного дня самого длинного года твоей жизни. Казалось, не было дна у моих страданий, не было выхода — только вперед. Сквозь тьму, одиночество и острую нехватку его прикосновений. Но это было мое последнее обещание ему, и оно привело меня месяцы спустя, отчаявшуюся в поисках лучика света, к этому фруктовому саду в самом сердце Средиземноморья.

Прогудел последний удар церковного колокола, а я держала шкатулочку с прахом в руке. *Amore, l'ho fatto* — я сделала это. Я привезла нас так далеко. Я вышла из машины.

Садившееся солнце напомнило мне о нашей первой совместной поездке по Сицилии, когда мы забрались в самые глухие ее уголки. Кроме гор, коров, мужчин верхом на ослах и бесчисленных оливковых зарослей, смотреть было не на что. Мы не могли поймать радиоволну, поэтому в итоге много часов подряд разговаривали, изредка умолкая, пока наш миниатюрный «Фиат» преодолевал проселочные дороги с бесконечными спусками и подъемами. Я помню, что еще одним пассажиром нашего автомобиля был полуденный солнечный свет, наблюдавший за движением двух жизней. И теперь, когда я наконец выбралась из машины и выпрямилась, солнце снова было мне свидетелем. Земля под ногами казалась слегка рыхлой.

Передо мной возвышались большие железные ворота с колоннадой по бокам, сооруженной из спрессованной земли, глины и булыжников, уложенных друг на друга. Это создавало хоть и впечатляющий, но простой деревенский вход. По другую сторону от этого входа простирался забор из колючей проволоки, установленный поверх каменной подпорной стены. Она отделяла семейные владения от дороги. Я бросила взгляд на забор и немного прошлась вдоль периметра в надежде отыскать вход попроще, но такового не было.

Неожиданно утомившись, я присела на груду камней, которая образовывала импровизированную подпорную

стену, и уставилась на городок внизу. Мне были видны купол церкви и поля за ним, стремительно переходившие в аллею, ведущую к морю. Затем я услышала шум приближающегося трактора вдалеке. Мне не хотелось в тот момент быть увиденной, я не хотела объяснять проезжающему по дороге мимо фермеру, который возвращался домой с жатвы, почему я стою возле заброшенных владений. Хуже того, я не хотела, чтобы до городка долетело хотя бы одно слово о том, что чернокожая американская женщина была замечена в месте, куда никто больше не ходил. Поэтому я встала и ускорила свой шаг. Я отчаянно искала осыпавшиеся из-за дождя или сползания почвы камни, чтобы пролезть через них и попасть внутрь. Я могла бы попытаться найти то место, где прошлым летом мы рвали с дерева персики и Саро поднял вверх нашу дочь, чтобы она могла достать самый близкий к солнцу фрукт.

На Сицилии любовь, правда и скорбь — непростые понятия. Каждое из них уходит так же глубоко, как корни оливковых деревьев, которыми много столетий усеян этот остров. Тайны часто уходят даже глубже. То, что я собиралась сделать, было не только тайной, технически это, скорее всего, было даже незаконным. В сельской Сицилии кремация настолько редка, что практически не существует. Несколькими неделями ранее уже состоялось официальное погребение на местном городском кладбище. Развезть же прах, даже небольшую его часть, где-нибудь еще помимо кладбища, вероятно, являлось нарушением и религиозных, и гражданских законов. Но моя жизнь выходила далеко за рамки условностей, пока я карабкалась по камням в попытках попасть внутрь.

Если бы я обдумала это заранее, если бы лучше спланировала, если бы мне не пришлось лгать о том, где я, всем своим знакомым в этом городке, я могла бы просто взять ключ от ворот. Больше всего я была обеспокоена тем, что об этом не знала моя свекровь. В конце концов, с этой женщиной я не всегда была в хороших отношениях. Родители Саро отклонили приглашение на нашу свадьбу, будучи